ные научные проблемы. В заключение своего выступления Г. Е. Марков выразил общее пожелание, чтобы столь удачно начатая в Лейпциге работа получила дальнейшее плодотворное развитие в ходе последующих дискуссий.

Прочитанные на симпозиуме доклады, а также рефераты, присланные учеными, не имевшими возможности принять в нем личное участие, будут опубликованы в специальном выпуске «Ежегодника Лейпцигского музея этнографии».

В. Руш, Л. Штейн

ФОЛЬКЛОР И ОБЩЕСТВО

(СИМПОЗИУМ БОЛГАРСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ)

По приглашению Болгарской Академии наук (БАН) и Комитета искусства и культуры в мае — июне 1975 г. я знакомился с деятельностью болгарских коллег. Мне была оказана честь представлять советскую фольклористику на Третьем национальном симпозиуме болгарских фольклористов, который состоялся в небольшом старинном городке у подножия Осоговских гор — Кюстендиле.

Наряду с хорошо известными советскому читателю этнографами и фольклористами (Хр. Вакарелски, В. Маринов, С. Джуджев, П. Динеков, Р. Ангелова, Р. Кацарова, Е. Стоин) в симпозиуме приняли участие многие успешно работающие молодые специалисты, подготовке которых в Болгарии уделяется большое внимание. На симпозиуме присутствовали работники культурно-просветительных учреждений страны, местная интеллигенция, студенты и участники художественной самодеятельности; были здесь и гости из других социалистических стран. Столь широкую аудиторию привлекла актуальная проблема, обсуждавшаяся на симпозиуме, — «Фольклор и общество».

На первом заседании, после торжественного открытия и выступлений представителей обществности, было прочитано три доклада: «Фольклор в исторической судьбе болгарского народа» (директор Института фольклора БАН акад. П. Динеков), «Особенности и современные проблемы фольклора в Кюстендилском округе» (П. Пешев) и «Современный фольклоризм» (В. Е. Гусев).

В последующие дни было заслушано и обсуждено свыше 30 докладов и сообщений. Тематика их была весьма разнообразной и охватывала как ранние этапы истории фольклора, так и его современное состояние. Большое внимание уделялось социальным функциям фольклора, его роли в национально-освободительной и революционной борьбе болгарского народа, месту и значению фольклора в социалистическом обществе.

В докладе П. Динекова на примерах из юнацкого эпоса, гайдуцких песен, преданий и других жанров были освещены разносторонние связи фольклора с исторической действительностью и рассмотрено отражение в фольклоре народного сознания. Подчеркнув прогрессивную роль фольклора в социальном развитии болгарского народа, П. Динеков поставил вопрос о функциях фольклора в развитии национальной культуры. Другую сторону этой проблемы обстоятельно рассмотрела С. Стойкова в докладе «Болгарский фольклор и культурное развитие». Она охарактеризовала обратное воздействие культурного прогресса на судьбы фольклора и отметила неравномерный и противоречивый характер этого процесса: распространение грамотности и образования, а также развитие средств массовой коммуникации ведет, с одной стороны, к сокращению сферы традиционных форм бытования фольклора, а с другой — к появлению и распространению его новых форм, репродукции и популяризации.

В некоторых докладах конкретизировались и развивались мысли, высказанные П. Динековым и С. Стойковой. Так, процесс взаимодействия традиционной народной культуры с профессиональной художественной культурой проиллюстрировала И. Холевич в докладе «Фольклор и болгарское общество XIX в.». Современной трансформации фольклора в художественной самодеятельности и в творчестве композиторов был посвящен доклад П. Лондева «Художественное преобразование болгарского музыкального фольклора».

Глубокое теоретическое обоснование социологического изучения фольклора содержалось в докладах: Н. Георгиева «Общность, общество и фольклор», С. Джуджева «Общественные основы музыкального фольклора», Т. Ив. Живкова «Социологические аспекты фольклора». Последний доклад привлек внимание полемичностью содержащихся в нем положений. Т. Живков рассматривает фольклор как особый тип культуры, как определенную систему, функционирующую в обществе по специфическим законам. По мнению докладчика, фольклор надо рассматривать прежде всего как художественную культуру локальных этносоциальных коллективов (классическая форма — патриархальное село). Изучение «горизонтального плана» фольклора раскрывает систему многочисленных локальных форм; «вертикальный план» позволяет уста-

новить развитие фольклора в одном определенном социуме. Классовые и профессиональные различия в фольклоре существуют, но они подчиняются общей системе традиций. Фольклор принципиально отличается от профессиональной художественной культуры, функционирование фольклора в условиях социализма имеет иные формы, чем в условиях традиционного сельского быта.

Социальная обусловленность фольклора обсуждалась на симпозиуме не только в аспекте общих исторических, социальных и культурных закономерностей, но и применительно к классификации и периодизации фольклора, к процессу исполнительства, к стилистике фольклора, к проблеме вариативности. Так, Т. Тодоров в докладе «Теория фольклорных жанров», рассматривая развитие фольклора в связи с эволюцией художественного сознания творческих коллективов, предложил теоретическую схему периодизации музыкального фольклора на основе определенных мелодических типов. Методологическая проблема изучения стилистических пластов была рассмотрена в докладе Л. Ботушарова «Социальная и этническая обусловленность стилей в музыкальном фольклоре». Л. Парпулова в докладе «Социальные и эстетические аспекты вариативности в фольклоре» выделила как специфическую эстетическую категорию фольклора понятие «первообраза».

Разносторонне был проанализирован процесс исполнения фольклорных произведений в докладе Р. Ангеловой «Исполнитель и зритель-слушатель». Она отметила разные виды участия аудитории и различную степень ее активности при исполнении разных жанров фольклора. Под этим углом зрения в докладе рассматривались жанры, содержащие драматические элементы (игры, обряды). Р. Ангелова подчеркнула, что реакция аудитории, воспринимающей фольклор, представляет большой научный интерес для изучения вкусов и мировоззрения разных поколений и разных социальных групп. К аналогичным выводам, распространив их на народную музыку, пришел Т. Джиджев в докладе «Исполнительский процесс и формы болгарского песенного творчества»; он анализировал диалектику личного и общественного элементов в тексте и мелодике и призвал к комплексному изучению фольклора.

Особую группу составили доклады, которые содержали анализ особенностей различных видов и жанров болгарского фольклора, проведенный на конкретном, в частности местном, материале: народного танца «рученица» (Р. Кадарова), народной музыки Кюстендильского округа (Е. Стоин), погребальных «оплакиваний» (Н. Кауфман), баллад (С. Бояджиева), мотива «изоляции» в волшебной сказке (И. Кощева), обряда «лазарвания» (В. Кузманова) и «ениовданского» обрядового фольклора (Р. Калайджиева).

В социологическом плане фольклор рассматривался в докладах А. Илиевой «Формообразующая роль социально-бытовых факторов в народной хореографии» и И. Манолова «Коммуникативные функции музыкального фольклора» (где на материале песен болгар-магометан Пиринского края была показана устойчивость национальной традиции). К этой группе относился доклад гостя из ГДР Э. Неймана «Социальные функции народных шванков».

Общественной роли революционных и советских массовых песен, распространенных в Болгарии, были посвящены доклады К. Динчева и Е. Метевой. Антирелигиозные и антицерковные мотивы в фольклоре проанализировали В. Вылчев и Е. Мицева. Отражение идейно-политических взглядов певцов в новых песенных вариантах было темой доклада И. Койнакова. Проявление эстетических вкусов народа в его материальной художественной культуре охарактеризовала Г. Михайлова.

Несколько докладов не было непосредственно связано с проблематикой симпозиума. Это доклады: «Некоторые языковые особенности Кюстендильского фольклора» (И. Умленски), «Структура мелодий Западной Болгарии» (И. Кумичин), «Фольклорный текст» (Е. Трифонова). «Народные легенды об Иване Рильском» (Е. Огнянова). Выступления докладчиков сопровождалась дискуссией, живое обсуждение продолжалось и в перерывах между заседаниями. Заключительное слово произнес П. Динев, который отметил плодотворные результаты симпозиума, обратил внимание на конкретные аспекты социологического изучения фольклора и поддержал интерес молодых исследователей к теоретическим проблемам фольклористики.

В дни работы симпозиума его участникам была предоставлена возможность ознакомиться с бытом и народным искусством местного населения, с памятниками культуры (Рильский монастырь с его замечательными художественными и этнографическими коллекциями, музей великого национального художника Д. Майстора, археологические раскопки в Кюстендиле, церкви, мечети и мосты). Зарубежные гости посетили коллективное хозяйство в селе Коняво, где ознакомились, в частности, с организацией культурно-просветительной работы. При местном читальнице «Светлана» существует любительский театр, хореографический и хоровой коллективы, в репертуар которых входят произведения фольклора. Жители Коняво и прилегающих сел охотно участвуют в художественной самодеятельности. В «книжарнице» «Русия», находящейся на центральной площади (где установлен памятник русским солдатам-героям войны 1877—1878 гг.), крестьяне могут найти литературу по всем интересующим их вопросам. Почти сплошная грамотность сельского населения, однако, не препятствует, как мы вскоре убедились, большой приверженности его местным обычаям и фольклорной традиции.

По окончании симпозиума все его участники присутствовали на одном из фольклорных «соборов», проходящих в это время года в разных краях Болгарии.

«Собор», который мы посетили, состоялся в живописной местности у подножия горы Рила — в Сапаревой Бане. В течение всего дня разные села демонстрировали замечательное мастерство своих певцов, музыкантов, танцоров и сказочников. На эстраде выступали преимущественно ансамбли из шести певцов (для них характерно антифонное пение — состязание двух «троек»). Но некоторые коллективы исполняли хоровые песни и народные танцы «оро» с музыкальным сопровождением на народных инструментах, а также включили в свою программу инсценировку различных обрядов (чаще всего эпизоды свадьбы). Примечательно, что после выступления участники «собора» располагались группами на лужайках, на пологих склонах горы или оставались на площади перед клубом и продолжали петь и плясать уже не для жюри, а для собственного удовольствия. Городок и его окрестности весь день оглашались звуками народных песен и танцевальных наигрышей. А по окончании фестиваля, когда опустел клуб, на площади и прилегающей к ней улице образовалось одно общее «оро», пламенеющее в лучах заходящего солнца яркими красками традиционных костюмов и женских украшений. В центре «оро» стояли неутомимые музыканты, игравшие уже в течение нескольких часов на гудуках, кавалах и гайдах. Все это оставило неизгладимое впечатление.

«Собор» в Сапаревой Бане — типичный местный фестиваль, заметно отличающийся от наших районных смотров художественной самодеятельности. Весь его репертуар был фольклорным и отражал живую местную традицию, хотя исполнение фольклорных произведений в условиях эстрадного концерта, разумеется, существенно отличается от традиционных форм бытования фольклора. Организация «собора», присутствие на нем представителей окружных партийных органов и органов власти, культурно-просветительных учреждений и учебных заведений как нельзя лучше свидетельствовало о том внимании, какое уделяется народному творчеству в Болгарии.

И сам симпозиум, и этот «собор», и моя поездка в последующие дни в Пиринский край с его самобытной фольклорной традицией (здесь периодически проводятся массовые фестивали) — все это убеждает в том, что тема «фольклор и общество» подказана современной действительностью, теми процессами, которые протекают в социалистической культуре братской страны. В Болгарии общественность стремится создать оптимальные условия для сохранения народных традиций и для творческого, тактичного включения их в современную массовую художественную самодеятельность. Об этом свидетельствуют и соответствующие мероприятия, проводимые Центром художественной самодеятельности при Комитете искусства и культуры (так, в 1974 г. в Бургасе им был организован специальный симпозиум на тему «Фольклор и художественная самодеятельность»), и материалы, публикуемые в журналах «Художествена самодейност» и «Българска музика», в газете «Народна култура» и в других органах печати. Встречи и беседы с руководством Центра и с редакцией журнала «Художествена самодейност» привели меня к заключению, что судьбы фольклора в современности воспринимаются здесь как одна из важных общественных проблем.

Не случайно и болгарские фольклористы уделяют этой проблеме постоянное внимание, в чем я еще раз убедился во время моих встреч с коллегами в Институте фольклора БАН (основан в 1973 г.) и в Институте музыковедения БАН. У болгарских фольклористов, имеющих ныне свой научный центр и специальный периодический орган¹, появляются новые возможности и перспективы для собирательской, исследовательской и издательской деятельности. Возрастает и общественная роль болгарских фольклористов.

Хочется пожелать, чтобы совместные усилия фольклористов-филологов, музыковедов и хореографов под эгидой единого научного центра сделали возможным полно комплексное изучение фольклора и его функций в современном обществе и в социалистической культуре. При этом важно сохранить и тесные научные связи фольклористики с этнографией, имеющие в Болгарии давнюю традицию, и укреплять ее связи с социологией.

В. Е. Гусев

¹ В дни работы симпозиума вышел в свет первый номер нового журнала «Български фолклор», открывающийся программной статьей его редактора П. Динекова «Болгарская фольклористика перед новыми задачами».